

С.Б. Россинский

**ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ:
ПРИЗНАВАТЬ ИЛИ НЕ ПРИЗНАВАТЬ КАК ВЕЩЕСТВЕННОЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО?**

В статье рассматриваются теоретические и прикладные проблемы, связанные с признанием вещественными доказательствами аудио-, видеозаписей и материалов дополнительной фиксации результатов следственного осмотра, обыска, выемки, следственного эксперимента и других следственных действий.

Автор обосновывает неправомерность подобной следственной практики и выражает к ней резко негативное отношение.

Исходя из того, что рассматриваемые практические ошибки уже частично успели получить легальное закрепление в нормах, посвящённых контролю и записи переговоров, а также получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, автор предлагает внести соответствующие изменения в текст УПК РФ.

Ключевые слова: вещественные доказательства, видеозапись следственного действия, виды доказательств, оценка доказательств, протокол следственного действия, собрание доказательств.

S.B. Rossinskiy

**ANNEX TO AN INVESTIGATIVE PROCEEDINGS RECORD: TO
RECOGNIZE OR NOT TO ADMIT AS PHYSICAL EVIDENCE?**

This article examines the theoretical and practical issues associated with the recognition of audio, video and other materials additionally fixing results of investigative inspection, search, seizure, investigative experiment and other investigative actions as material evidence.

Author proves the illegitimacy of such investigative practices and expresses his strong opposition.

Based on the fact that the considered practical mistakes have already partially been fixed in the legal rules devoted to monitoring and recording of communications, as well as obtaining information about the connections between subscribers and (or) subscriber units, the author proposes to amend the text of the Criminal Procedure Code of Russia.

Keywords: the physical evidence, video records of the investigative action, types of evidence, evaluation of evidence, records of the investigative action, collection of evidence.

Вопросы доказывания в уголовном судопроизводстве всегда вызывали большое количество дискуссий, поскольку наряду с правовой сущностью доказывание имеет весьма глубокие философские (гносеологические) корни, которые подчас достаточно сложно облечь в созданную человеческим разумом и, кстати, далеко не всегда безгрешную процессуальную форму. Законы гносеологии существуют сами по себе и не связаны с установленными правилами человеческого общежития. Следовательно, теория уголовно-процессуального доказывания представляет собой совокупность научных положений, уже изначально наполненных целым спектром внутренних противоречий. Причем в условиях нестабильности существующей в нашем государстве процессуальной формы, достаточно частых, в том числе и кардинальных реформ уголовно-процессуального закона обозначенные противоречия приобретают еще более острый характер. Проблемы, считает А.А. Давлетов, исчисляются несколькими десятками. И их количество постоянно растет, так как научное исследование различных аспектов уголовно-процессуального познания продолжает расширяться и углубляться [10. С. 13–14]. На сегодняшний день практически ни один вопрос, относящийся к данной проблематике, не получил своего окончательного разрешения

В частности, вплоть до настоящего времени ни ученые, ни законодатель не пришли к единому пониманию вопроса о соотношении вещественных доказательств и приложений к протоколам следственных действий, возможность использования которых предусмотрена ч. 8 ст. 166 УПК РФ. Имеющиеся здесь доктринальные и нормативно-правовые проблемы неизбежно приводят с серьезным практическим ошибкам, допускаемым сотрудниками органов предварительного расследования при формировании соответствующих доказательств, а также судьями и другими участниками производства по делу.

Одна из них заключается в искусственном и явно необоснованном придании статуса вещественных доказательств объектам, которые по сути являются всего лишь дополнительными средствами фиксации хода и результатов следственных действий. Актуализация данной проблемы напрямую связана с научно-техническим прогрессом и появлением различных средств дополнительной фиксации (помимо протокола) результатов процессуальных действий. В современных условиях такие дополнительные средства, в частности аудио- или видеозапись, в силу своей наглядности и, следовательно, большой потенциальной информативности являются важным подспорьем при необходимости последующего воссоздания картины следственного действия, анализа отдельных его элементов в целях проверки, оценки и использования в доказывании полученных таким образом результатов. Как совершенно справедливо пишет В.А. Образцов, они обеспечивают получение «иллюстративного материала» [17. С. 114]. В протоколах следственных действий нередко встречаются различные ошибки, неточности, искажения объективной реальности, обусловленные, в первую очередь, особенностями восприятия дознавателем

или следователем соответствующих объектов познания. В своих работах мы уже неоднократно отмечали, что современные философы и психологи утверждают не о зеркальном, а лишь об относительно адекватном отражении человеком фрагментов объективной реальности [22. С. 81–84; 23. С. 48–49]. В этой связи в уголовно-процессуальной науке существуют достаточно обоснованные позиции, что даже протокол гласного судебного заседания не может обеспечить полноценного и правильного отражения всех обстоятельств рассмотрения уголовного дела. А это, в свою очередь, не отвечает требованиям ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [32. С. 22–24].

Поэтому некоторые ученые настойчиво сетуют за обязательное использование дополнительных средств фиксации судебных заседаний, например, аудио- или видеозаписи [19. С. 36]. Очевидно, что в случае протоколирования следственных действий по сравнению с судебным заседанием существует еще большая вероятность искажения обстоятельств объективной реальности. Вследствие этого предусмотренные законом возможности использования дополнительных средств фиксации различных процессуальных мероприятий приобретают значение действенных гарантий в вопросах объективизации познания обстоятельств уголовного дела и обеспечения прав и свобод участвующих лиц. Более того, в ряде случаев использование видеозаписи при производстве отдельных следственных действий уже перешло в ранг законодательного предписания. Так, согласно ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ применение технических средств фиксации хода и результатов следственного осмотра, освидетельствования, следственного эксперимента и некоторых других следственных действий является обязательным в случаях, если следователь принимает решение проводить эти действия без участия понятых. Аналогичная обязанность предусмотрена ч. 3 ст. 170 УПК РФ для следственных действий, проводимых без участия понятых в труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей.

По смыслу ч. 8 ст. 166 УПК РФ все дополнительные носители информации о ходе и результатах произведенного следственного действия должны быть приобщены в качестве приложения к соответствующему протоколу. В дальнейшем они могут рассматриваться исключительно как составные части протокола, не имеющие без него никакой юридической силы и не являющиеся самостоятельными доказательствами. На данное обстоятельство неоднократно обращалось внимание в юридической литературе [12. С. 12; 31. С. 463; 25. С. 62].

Таким образом, в случае производства следственного осмотра, освидетельствования, обыска, следственного эксперимента и других следственных действий все эти дополнительные носители информации, в частности фотографии, аудио- и видеозаписи, могут расцениваться исключительно в контексте ст.ст. 76–79 и 83 УПК РФ, причем не иначе как совместно с соответствующим протоколом и в полной зависимости от него.

Мы согласны с Ю.Н. Соколовым, отмечающим, что самостоятельное закрепление сведений с помощью технических средств при отсутствии протокола в уголовном судопроизводстве ведет к утрате их доказательственного значения [29. С. 29–31].

Вместе с тем анализ современной следственной практики позволяет констатировать иное, на наш взгляд, ошибочное толкование органами дознания и предварительного следствия указанных законодательных предписаний. Постараемся проиллюстрировать это на следующем примере. В июле 2010 г. сотрудниками органов внутренних дел по Центральному федеральному округу был проведен комплекс оперативно-розыскных и проверочных мероприятий, направленный на решение вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении начальника одного из подмосковных отделов Росреестра И. по факту якобы вымогаемой им взятки за регистрацию земельного участка. После осуществления оперативного эксперимента и задержания И. с поличным в его служебном кабинете незамедлительно был произведен осмотр места происшествия. В результате данного следственного действия сотрудники милиции обнаружили принадлежащий И. портфель, откуда были извлечены денежные средства в российских рублях и иностранной валюте, а также имеющие отношение к делу документы. В ходе проведения осмотра места происшествия использовалась видеозапись. Причем впоследствии (уже после возбуждения уголовного дела) видеокассета с этой записью была осмотрена по правилам ст. 177 УПК РФ и приобщена к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства. На наш взгляд вполне очевидно, что в данной ситуации, кстати, как и во многих других аналогичных случаях, была допущена грубая процессуальная ошибка, заключающаяся в искусственном создании еще одного нового доказательства по уголовному делу. Видеозапись осмотра места происшествия является всего лишь дополнительным средством фиксации тех сведений, которые были изложены в соответствующем протоколе. В результате подобных и, на наш взгляд, совершенно недопустимых действий следователей и органов дознания в материалах уголовных дел фактически незаконно появляются новые самостоятельные вещественные доказательства, чем искусственно и абсолютно неправомерно «укрепляется» доказательственная база. Вместо одного доказательства – результата следственного действия в деле фигурируют уже два отдельных доказательства, которые к тому же являются взаимопроверяемыми и позволяют положительно оценить друг друга на предмет достоверности. Так, оценивая результат (протокол) следственного осмотра, обыска или иного следственного действия, суд уже не сомневается в его доброкачественности, поскольку он полностью подтверждается вещественным доказательством (например, видеозаписью), равно как и наоборот. На данное обстоятельство обращает внимание Х.А. Сабиров, полагающий что оно вообще может привести к практике отказа от протоколирования, которая на сегодняшний день недопустима [24. С. 123].

Итоги некоторых наших исследований показывают достаточно широкое распространение подобной следственной практики, особенно по категориям уголовных дел, возбуждаемых в связи с реализацией результатов оперативно-розыскной деятельности. Так примерно в 27 % случаев использования в ходе осмотров, обысков и других следственных действий видеозаписи, соответствующая кассета или диск признавались вещественными доказательствами. Причем при выборочном анализе материалов осмотров мест происшествий, проводимых до возбуждения уголовных дел при задержании подозреваемого с поличным (например, по уголовным делам коррупционной направленности), количество таких случаев возрастает до 62 %. В свою очередь 69 % проинтервьюированных нами следователей и 58 % судей считают такую практику вполне нормальной и допустимой. Близкие по существу следственные ошибки описываются и в работах других авторов. В частности, А.В. Белоусов пишет, что в ряде случаев при возникновении спорных ситуаций суд, просматривая видеозаписи следственных действий, в своем решении ссылается именно на них, а не на протоколы [3. С. 150]. С.А. Ожередова, основываясь на результатах анализа уголовных дел, рассмотренных одним из районных судов, также указывает, что в большинстве случаев судьи расценивают видеозаписи как допустимые доказательства [18]. П.В. Козловский отмечает в своей монографии о случаях использования в качестве самостоятельных доказательств фототаблиц к протоколам следственных действий [13. С. 145].

Достаточно противоречивые позиции по данному вопросу выражаются в решениях Верховного Суда РФ. Так, например, в одном из своих определений Верховный Суд РФ прямо указывает: «Вещественные доказательства – видеозаписи следственных действий – подлежат оставлению при деле» (кассационное определение ВС РФ от 09 октября 2006 № 44–о06–71сп). Однако в другом решении Верховного Суда РФ изложена прямо противоположная точка зрения: «При производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись, носители которых, в соответствии с ч. 8 указанной статьи УПК РФ являются приложением к протоколу. В силу положений ст. 74 УПК РФ доказательством по делу является именно протокол следственного действия» (кассационное определение ВС РФ от 16 апреля 2008 г. № 50–о07–47).

Рассмотренная нами практика в настоящее время находит отклики и поддержку в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе. Одним из первых ученых, поставивших вопрос о самостоятельном доказательственном значении дополнительных средств фиксации следственных действий является В.Т. Томин. Еще в 1991 г. он писал о присвоении видеозаписи статуса самостоятельного источника доказательства, равноценного протоколу следственного действия, в ходе которого она осуществлялась. Автор связывает такую необходимость с изменением социальных условий и современным уровнем научно-технического развития [30. С. 91]. А.В. Белоусов считает видеозапись

самостоятельным доказательством по уголовному делу ввиду того, что она позволяет весьма полно и объективно зафиксировать всю информацию, полученную в ходе тех или иных следственных действий, и играет большую роль в изобличении преступников [3. С. 174]. В свою очередь В.Н. Григорьев, А.В. Победкин и В.Н. Яшин полагают, что протокол и соответствующая видео- или аудиозапись должны оцениваться судом на равных как самостоятельные источники доказательств [9. С. 203]. В этой связи некоторые современные ученые даже предлагают внести соответствующие изменения в УПК РФ, дополнив его положением о самостоятельном доказательственном значении дополнительных средств фиксации следственных действий [11. С. 79; 21. С. 13; 33. С. 6] и выработав требования их допустимости [1. С. 15].

Таким образом, истоки подобной практики и связанных с ней научных воззрений обусловлены особенностями материалов дополнительной фиксации результатов следственных действий, обладающих по сравнению с протоколами гораздо большей информативностью. Аудио- или видеозапись и другие материалы дополнительной фиксации действительно позволяют лицам, в последующем знакомящимся с уголовным делом, установить какие-то иные, новые сведения, которые не могут быть почерпнуты из соответствующего протокола. Видимо именно это обстоятельство в контексте ч. 1 ст. 74 УПК РФ и позволяет некоторым ученым и практическим работникам расценивать данные объекты как отдельные, самостоятельные доказательства по уголовному делу. Однако такая позиция является ошибочной и основана на неправильном понимании самой гносеологической сущности результатов следственных и судебных действий. В своих работах мы уже отмечали, что, говоря о протоколах следственных действий как о доказательствах по уголовному делу, законодатель имеет в виду определенные информационные ресурсы (сигналы), обусловленные взаимодействием дознавателя, следователя или суда с объектами познания и подлежащие их восприятию [23. С. 95]. Протоколы представляют собой всего лишь документальную форму фиксации обстоятельств, установленных в ходе осмотра, обыска, выемки или других следственных действий. Как справедливо отмечает Ю.А. Веселова, протоколы следственных действий относятся к документальным источникам доказательств. Автор рассматривает их как основные процессуальные документы, составленные по определенной форме в соответствии с законом уполномоченными на то лицами, фиксирующие ход следственных действий, их результаты, иные значимые сведения с целью закрепления и представления доказательств определенному адресату [5. С. 10]. В.С. Шишкин в свою очередь подчеркивает, что любой протокол, обладающий свойствами доказательства, не может существовать сам по себе, он является средством отражения информации, на которую заранее целенаправленно ориентирована познавательная деятельность субъектов доказывания [35. С. 71]. Кстати, именно в этой связи доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ, мы предлагаем называть не протоколами, а результатами «невербальных»

следственных и судебных действий [22. С. 142–143]. А протокол, отмечает Ю.Н. Миленин, выступает как основная законодательно определенная форма представления в уголовное дело таких сведений, зафиксированных описательно (в самом протоколе) или с использованием технических средств, в том числе аудио- и видеотехники [16. С. 16].

Под таким углом зрения материалы аудио-, видео- и тому подобной технической фиксации занимают то самое место в системе средств процессуального познания, которое им отводит законодатель согласно ч. 8 ст. 166 УПК РФ, – как дополнительные носители информации о результатах следственных действий. Ни одна аудио- или видеозапись, ни одна фотография или иное техническое средство фиксации в принципе не может содержать сведений о каких-то других фрагментах объективной реальности, кроме тех, которые были лично восприняты дознавателем или следователем. Иными словами, объектив и микрофон в данном контексте не могут заменить собой человеческих глаз или ушей. В противном случае речь уже пойдет не о дополнительных средствах фиксации следственных действий, а об использовании специальной криминалистической техники в порядке ч. 6 ст. 164 УПК РФ и о возможном участии специалиста, что неоднократно отмечено О.П. Грибуновым и Е.В. Нарыжным [7. С. 33–35; 8. С. 62–63]. В этой связи В.А. Семенцов выражает абсолютно правильную позицию, считая практику отнесения материалов технической фиксации следственных действий к числу вещественных доказательств ошибочной, не основанной на требованиях УПК РФ. Статус протокола следственного действия, пишет автор, исключает дальнейшее исследование материалов его технической фиксации в режиме вещественных доказательств [27. С. 327]. Протокол нельзя противопоставлять его видеозаписи. Они не обусловлены применением различных способов процессуального познания, поэтому не могут расцениваться как самостоятельные виды доказательств. Это всего лишь различные формы фиксации одного и того же доказательства – результата следственного действия. Поэтому мы согласны с Х.А. Сабировым, высказывающимся за сохранение единства протокола и материалов применения научно-технических средств с приданием им не самостоятельного, а равного доказательственного значения [24. С. 124].

Вместе с тем протокол как письменный документ, безусловно, обладает гораздо меньшей информативностью чем, например, аудио- или видеозапись. Как отмечает А.А. Леви, недостатком протокола является и то, что далеко не все фиксируемые явления можно достаточно четко описать словами, например, сложную позу трупа [15. С. 262]. Данные материалы дополнительной фиксации приобретают известное значение при изучении уголовного дела субъектами процессуального познания, не принимавшими участия в производстве соответствующих следственных действий. Для последующего «читателя» (судьи, прокурора, защитника, обвиняемого, другого следователя и т.д.) приложенная к протоколу видеозапись позволяет как бы «оказаться на месте» производства следственного действия и попробовать самостоятельно повторить за дознавателем или следователем

восприятие значимых для уголовного дела сведений. В этой связи нельзя не обратить внимание на достаточно интересную позицию В.А. Семенцова, предлагающего придать видео- или аудиозаписи ведущее доказательственное значение, а в протоколе фиксировать лишь краткое содержание сведений, закрепленных техническими средствами, сделав его таким образом необходимым, но второстепенным процессуальным атрибутом [26. С. 8]. Видеозапись позволяет реконструировать процессуальное познание, что невозможно сделать посредством изучения письменного протокола. В подобном ракурсе видеозапись следственного действия при последующем восприятии участниками уголовного судопроизводства скорее можно сравнивать с видеодокументом, подпадающим под диспозицию ст. 84 УПК РФ. При этом она никак не отвечает признакам вещественного доказательства.

Ошибочность научных взглядов и порочность следственной и судебной практики в части отнесения дополнительных средств фиксации результатов следственных действий к вещественным доказательствам, на наш взгляд, не вызывает никаких сомнений. Такие процессуальные нарушения опасны возможностью неправильной оценки дознавателем, следователем и судом имеющейся совокупности доказательств, что, в свою очередь, влияет на обоснованность принимаемых по уголовному делу процессуальных решений, в частности выносимых приговоров. Поэтому в данном случае может иметь место только один вывод и только одна обусловленная им практическая рекомендация, заключающаяся в запрете, адресованном органам дознания и предварительного следствия, на признание вещественными доказательствами тех материальных объектов, которые, не обладая признаками, предусмотренными ст. 81 УПК РФ, являются носителями дополнительных средств фиксации результатов следственных действий, в первую очередь, аудио- и видеозаписей.

Тем не менее выполнение подобной рекомендации не позволит полностью устранить данную проблему, поскольку рассмотренные нами ошибки в настоящее время уже частично успели получить легальное закрепление в тексте уголовно-процессуального закона, а именно в ч. 8 ст. 186 и ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ. Так составленная во время контроля и записи переговоров фонограмма в полном объеме приобщается к материалам уголовного дела на основании постановления следователя как вещественное доказательство. Это же правило распространяется на документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. С указанной правовой конструкцией в целом согласно и большинство авторов, посвятивших свои работы данной проблематике [4. С. 15; 6. С. 61; 34. С. 109]. Однако все же отдельные ученые выражают свое несогласие в отношении существующего порядка. Например, М.И. Бекетов предлагает относить фонограмму, полученную в результате контроля и записи переговоров не к вещественным доказательствам, а к иным документам [2. С. 56]. Близких суждений в части ст. 186.1 УПК РФ придерживается А.В. Резцов, указывающий, что для материалов о

соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, представленных компаниями – операторами связи, более подходящим является не статус вещественных доказательств, а статус иных документов, предусмотренных ст. 84 УПК РФ [20]. О.В. Волинская и В.С. Шишкин занимают по данному поводу более компромиссную позицию. Они отмечают, что при соблюдении определенных законом правил фиксации и сохранения доказательственных сведений технические носители названной информации действительно могут выступать в качестве вещественных доказательств по уголовному делу. Что же касается содержания, т.е. конкретных сведений, отраженных на указанных носителях, то их целесообразно рассматривать в качестве иных документов доказательств [6].

Однако мы не можем согласиться ни с одним из высказанных суждений. Представляется, что ни фонограмма записи телефонных или иных переговоров, ни документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, не обладают ни признаками вещественных доказательств, ни признаками иных документов, предусмотренных ст. 84 УПК РФ. На наш взгляд, по своему существу они скорее напоминают рассмотренные выше материалы дополнительной фиксации следственных действий.

Фонограмма контроля и записи переговоров – это объект, который является родственным видеозаписи следственного действия. Различия между ними заключаются в том, что видеозапись представляет собой лишь дополнительное средство фиксации, а фонограмма – основное, поскольку сам следователь лично телефонные или иные переговоры не контролирует. Аналогичная ситуация складывается и в случаях получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, где вместо фонограмм телефонных и иных переговоров следователь получает в свое распоряжение информацию, зафиксированную на любом материальном носителе (ч. 3 ст. 186.1 УПК РФ).

Таким образом, мы приходим к выводу о нецелесообразности положений уголовно-процессуального закона, предписывающих признание материалов, контроля и записи переговоров, а также материалов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, вещественными доказательствами и приобщение их к уголовному делу в порядке, предусмотренном ст. 81 УПК РФ. В этой связи представляется необходимым исключить соответствующие фрагменты из ч. 8 ст. 186 и ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ, сохранив лишь общее правило о необходимости приобщения данных материалов к уголовному делу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Анищик О.О. Средства закрепления хода и результатов следственных действий и их доказательственное значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара: Самарский госуниверситет, 2002.

2. Бекетов М.И. Вещественные доказательства и «иные документы» – проблемы разграничения в УПК РФ // Уголовное право. 2006. № 3.
3. Белоусов А.В. Процессуальное закрепление доказательств при рассмотрении преступлений. М.: Юрлитинформ, 2001.
4. Вазюлин С.А., Васюков В.Ф. Получение информации о соединениях между абонентами: специфика процедуры // Уголовный процесс. 2014. № 1.
5. Веселова Ю.А. Протоколирование и дополнительные методы фиксации доказательств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербург. институт Генеральной прокуратуры РФ, 2005.
6. Волынская О.В., Шишкин В.С. К вопросу о доказательственном значении сведений о телефонных соединениях // СПС «КонсультантПлюс».
7. Грибунов О.П., Нарыжный Е.В. Основные аспекты применения цифровой фотографии при осмотре места происшествия // Эксперт-криминалист. 2014. № 3.
8. Грибунов О.П., Нарыжный Е.В. Технический и процессуальный регламент использования цифровой фотосъёмки при проведении осмотра места происшествия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 3–2.
9. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2005.
10. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997.
11. Долженко Н.И., Ожередова С.А. Видеозапись следственного действия как источник доказательственной информации // Вестник криминалистики. 2007. № 4.
12. Камышин В.А. Иные документы, как «свободное» доказательство в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 1998.
13. Козловский П.В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение. М.: Юрлитинформ, 2014.
14. Лапин Е.С. Технология получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при расследовании преступлений против интеллектуальной собственности // СПС «КонсультантПлюс».
15. Леви А.А. Избранные научные труды. М.: РУДН, 2012.
16. Миленин Ю.Н. Аудио- и видео документы как доказательства в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2009.
17. Образцов В.А. Курс лекций по криминалистике. М.: Юристь, 1996.
18. Ожередова С.А. Улика на пленке // СПС КонсультантПлюс.
19. Подольный Н.А. Аудиозапись исключит фальсификацию протокола судебного заседания // Рос. юстиция. 2002. № 8. С. 36.
20. Резцов А.В. Информация о соединениях между абонентами сотовой связи при установлении обстоятельств совершенного преступления // СПС «КонсультантПлюс».
21. Романов В.И. Процессуальные, тактические и этические вопросы применения научно-технических средств при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань: Казанский госуниверситет им. В.И. Ульянова-Ленина, 1997.
22. Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015.
23. Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2015.
24. Сабиров Х.А. Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский гос. аграрный университет, 2000.

25. Савенко О.В. Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Брянск: Брянск. госуниверситет им. академика И.Г. Петровского, 2014.
26. Семенцов В.А. Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮА, 1994.
27. Семенцов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: КубГУ, 2013.
28. Семенцов В.А. Следственные действия: учебное пособие. Екатеринбург: УрГЮА, 2003.
29. Соколов Ю.Н. Информационные технологии как альтернативные средства фиксации при производстве следственных действий // Рос. юстиция. 2010. № 6.
30. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1991.
31. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова; 3-е изд. М.: Норма, 2013.
32. Фомин М.А. Протокол судебного заседания: «прошу данный вопрос и ответ на него отразить дословно» // Рос. юстиция. 2003. № 11.
33. Цомая С.Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2007.
34. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004.
35. Шишкин В.С. Документы в доказывании при производстве по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МосУ МВД России, 2012.